

— 1 —

Уилл нашёл ведьму в пещере под старым холмом. Он шёл по её следу восемь дней и теперь, наконец-то, оказался вознаграждён. Жажда мести оказалась намного сильнее усталости и боли.

Он был единственным мужчиной, кто решился на это. Все остальные: Ллойд, Гарет, Эдриан и даже трёхпалый Джон побоялись. Жалкие трусы. Уилл проклинал их всю дорогу. Месяц тому назад проклятая ведьма наслала на их деревню мор. Болезнь выкосила всех детей, но никто не возжелал воздать прислужнице Сатаны по справедливости. Все они предпочли остаться в домах, оплакивать своих дочерей и сыновей, но Уилл не считал, что скорбь — это выход. Ничто не излечит его ран, но возмездие, возможно, притупит боль.

Мор забрал и его ребёнка. Калебу было всего девять. Мальчик пролежал с жаром целую неделю, а потом его не стало. Уилл держал сына за руку, когда жизнь покинула того. Жена Уилла — Сара — не выдержала потери. Мужчина нашёл её днём позже в сарае, болтающуюся под потолком с петлёй на шее. Ему хотелось уйти вслед за ней тогда, но умирать было слишком рано.

Пока жива ведьма — есть смысл жить и ей. Эта тварь заплатит сполна за всё горе, что она принесла мирным людям.

Так он и порешил, снял со стены ружьё, взял припасов в дорогу и отправился в путь. Люди отговаривали его, твердили, что в лесу Уилл найдёт лишь собственную гибель. Глупцы. Он умер тогда, когда не стало Калеба и Сары. Теперь в нём не осталось ничего кроме жажды мести.

Восемь долгих дней Уилл брёл сквозь чащу. Трижды он подвергался атаке диких зверей, один раз сорвался в овраг, но его было не остановить. Когда мужчина наткнулся на старый холм, будто бельмо торчавший посреди лесной глухи, то понял, что достиг цели. Он быстро отыскал вход в пещеру. Из тьмы разило смертью и холодом. Ещё вчера Уиллу казалось, силы вот-вот покинут его, но теперь они вернулись к нему. Кисть сжала рукоять ружья так крепко, что побелели костяшки пальцев. А потом мужчина шагнул во мрак.

Пещера оказалась просторнее, чем он ожидал. Тут и там валялись кости животных, стены были исписаны символами и фразами на мёртвых языках, на покосившихся деревянных столах покоились ступки, чаши и диковинные сосуды. Темнота грота озарялась тусклым светом немногочисленных свечей, а посреди пещеры протекал ручей.

Ведьма была там. Уилл заметил её сразу. Она сидела у ручья, омывая руки, но заметив незваного гостя, поднялась на ноги и испуганно уставилась на мужчину.

Она сразу поняла зачем он пришёл. Лицо Уилла, полное гнева и ненависти, говорило красноречивее всяких слов. Серые, залитые кровью глаза, смотрели на ведьму в упор. Уилл представлял её совсем другой. Люди в деревне все как один молвили о том, что ведьма — это страшного вида старуха, чьё лицо и руки покрывают мерзкие бородавки, а зубы заточены, будто звериные клыки. Её волосы редки и седы, кожа вся в струпьях, а на длинных уродливых пальцах растут острые когти. Однако перед Уиллом стояла отнюдь не старуха.

Ведьма оказалась красивой молодой женщиной. На вид ей было не больше двадцати пяти. Стройный девичий стан привлекал изгибами и крутизной бёдер, которой могла бы

позавидовать даже Сара. Ведьма была облачена в мешковатые одежды, но и в них прослеживалась её женственная фигура, формой отчётливо напоминавшая песочные часы. Крупная грудь вздымалась при каждом вздохе. Руки ведьмы были бледны и нежны на вид. Никаких струпьев или когтей. А лицо... Уилл ещё никогда прежде не встречал женщины прекраснее. Обрамлённое водопадом густых рыжих волос, волнами ниспадающих до самой талии, оно было украшено изумрудами больших зелёных глаз, россыпью очаровательных веснушек и лёгкой припухлостью больших алых губ. Носик у неё был маленький, чуть вздёрнутый, подбородочек остренький, аккуратный. Несомненно, ведьма была удивительно красивой. Как мужчина, Уилл не мог отрицать этого, но понимал, что ему необходимо сделать. Неожиданно для него самого внутри вдруг зародились сомнения. Отогнать их было нелегко, но ярость помогала справиться со всем.

Девушка сжала руки в кулаки и сделала шаг назад. Уилл только сейчас заметил, что она дрожит. Отделившись от тени, он двинулся на неё — огромный, потный и полный злобы. Мышцы бугрились под промокшей насквозь рубашкой. Широкие плечи были напряжены. Покрытые жёстким волосом руки сжимали ружьё. Девушка пошатнулась, глядя на него снизу-вверх. Неудивительно. В ведьме было не больше пяти футов росту, тогда как в Уилле уместилось все шесть с половиной.

— Страшно, сука? — прохрипел он.

Его голос отразился от камня — грозный и полный угрозы.

Ведьма выставила руки перед собой, будто пытаясь защититься. «Тебя это не спасёт», — подумал Уилл. Он ударил наотмашь, вложив в руку всю свою злобу и решительность.

Девушка пискнула и тут же повалилась на землю, отплёвываясь кровью и едва слышно хныча. Слёзы засверкавшие на её щеках не убедили мужчину. В Уилле проснулся зверь и теперь его было необходимо насытить.

Закинув ружьё за спину, он схватил ведьму за огненную копну волос и грубо рванул её на себя, заставляя несчастную запрокинуть голову назад. Из разбитого носа текли алые ручейки. Нижняя губа тоже кровоточила. Левая щека девушки пылала алым пятном. Зелень больших глаз помутнела от слёз, но ужаса в них почти не ощущалось. Во взгляде девушки Уилл прочёл спокойствие, будто она уже приняла всё, что ей грозит и примирилась со своей судьбой.

Вероятно, она даже ждала, что кто-то явится сюда и испуг её был временным, обусловленным неожиданностью. Ведьма смотрела на Уилла без явного страха, но в то же время без гордости и высокомерия. Она просто безропотно и смиренно ждала своей участи и это бесило мужчину больше всего. Лучше бы девка плевалась и сыпала проклятиями.

— Ты убила их! — выкрикнул он. — Убила их всех! За что?

В ответ тишина.

Уилл снова ударил ведьму по лицу — на этот раз слабее, тыльной стороной ладони.

— За что? — повторил он. — Они были детьми! Ни в чём неповинными! Ты забрала у меня всё! Моего сына, мою жену! Всю мою жизнь!

Девушка лишь слабо покачала головой. Уилл ударил её кулаком в живот, и ведьма закашлялась. Он дёрнул ведьму за ворот и ткань затрещала.

— Почему ты молчишь? — взревел он.

Его жёсткие грубые пальцы вцепились в её подбородок, заставляя ведьму не сводить с него глаз. Взгляд коснулся приоткрытого рта и тогда Уилл понял причину молчания девчонки. У ведьмы не было языка. Вернее, он был укорочен достаточно, чтобы лишить хозяйку

возможности изъясняться. Кто сделал это с ней ему было невдомёк.

Рука вновь сжалась в кулак. Мужчина замахнулся, и девушка зажмурилась. Сейчас он ударит её! Будет бить снова и снова, пачкая руки тёплой кровью, и не остановится, пока не лишит её жизни. Пока не размозжит её богомерзкий череп.

Что-то остановило Уилла в последний момент. Взгляд скользнул по мокрым от слёз щекам, по веснушкам и дрожащим губам. Словно повинуясь инстинктам, он спустился ниже к разорванному верху её одежды, уцепился за оголившееся розовое плечо, гладкость молодой кожи, за полную упругую грудь, почти выскользнувшую наружу. Уилл ощутил как по телу побежали волны возбуждения, смешанные с ненавистью и гневом, от чего это сладостное чувство обратилось в нечто более пьянящее и одурманивающее.

Да, эта тварь бесчеловечна. Под шкурой овечки скрывается злобное беспощадное существо. Уилл понимал это. Но, чёрт возьми, до чего же эта оболочка была хороша. В его голову полезли мысли, которые он яростно отталкивал, но они всё равно брали верх.

— Нет, — прошептали его обветренные губы. — Ты не заслужила лёгкой смерти. — Он вынул из-за пояса нож и приставил к горлу рыжеволосой девушки. — Ты умрёшь. Обязательно умрёшь. Но прежде возместишь мне ущерб.

Глаза Уилла налились кровью. В нём пробуждалось нечто нечеловеческое. С силой он рванул на себя лохмотья ведьмы и ткань в очередной раз громко затрещала, разрываемая на части.

Одним сильным движением Уилл поставил девчонку на подкашающиеся ноги и сорвал со стройного тела серое тряпье. Голодный и злобный взор мужчины впился в соблазнительные изгибы. Плавные линии ласкали взгляд. Белые упругие груди с розовыми, топорщающимися от прохлады сосками подпрыгнули и замерли, приковывая внимание. Ниже плоского животика виднелась небольшая поросль волос, прикрывавшая заветный треугольник. Ведьма посмотрела на Уилла с удивлением, не понимая, чего он хочет от неё. Самопроизвольно её худые руки прикрыли оголившиеся прелести. Мужчина влепил ей пощёчину, от которой та едва не упала обратно на землю. Усвоив урок, она опустила дрожащие члены, позволяя незваному гостю безнаказанно разглядывать своё тело.

Внутри Уилла росла похоть. Его достоинство наливалось кровью с каждой секундой. Челюсти сжалась. Глаза злорадно блеснули.

— Ты заплатишь мне за всё, — прорычал он. — Мою Сару ты уже не вернёшь. Как и сына. — Уилл скинул ружьё с плеча и бросил его на холодный каменистый пол пещеры. Следом полетел мешок с припасами. — Но прежде, чем я казню тебя, ты родишь мне другого ребёнка. Моего Калеба уже нет, но взамен я заставлю тебя дать мне другого. И лишь тогда я позволю тебе умереть.

В этот момент в глазах ведьмы на миг вспыхнул те самые огоньки страха, которые так ждал Уилл. «Да. Она боится. Она должна бояться, ибо теперь её тело и жизнь полностью в моей власти».

Мужчина убрал нож в сапог и неспеша распутал завязи на бриджах. Девушка замотала головой и шагнула назад. Из глаз её брызнули новые ручейки слёз.

— Ко мне, — рыкнул Уилл и губы ведьмы задрожали.

Он схватил её за талию и притянул к себе, схватил рукой за волосы и снова заставил голову пленницы запрокинуться назад. Другая рука ухватилась за стоячую грудь и грубо стиснула её. Из уст ведьмы сорвался жалобный стон, но это только раззадорило Уилла. Жёсткие пальцы ухватились за сосок, оттянули его, а затем выкрутили так, что девчонка поднялась на

цыпочки.

Когда они занимались любовью с Сарой, то процесс проходил в кромешной тьме. Они делали это нежно и медленно, шепча друг другу ласковые слова. Как правило, Уилл забирался на жену сверху и в такой позиции сношал её на протяжении какого-то времени, пока его семя не извергалось в её лоно или на живот. Так было раньше. С ведьмой Уилл церемониться не собирался. Она хуже, чем портовые шлюхи, что сосут за медяки члены моряков и позволяют драть себя в тугие задницы. Он сделает с ней всё, чего жаждал пробудившийся внутри зверь. Всё, чего никогда не позволил бы себе совершить с Сарой.

Сопя и раздував ноздри, Уилл оттянул бриджи и его большой опухший стержень выпрыгнул наружу. Крайняя плоть оттянулась, выставив напоказ вздувшуюся сиреневую головку с каплей смазки, замершей на кончике. Тяжёлые яйца повисли книзу. Ведьма испуганно уставилась на орган Уилла и попыталась вырваться, но хватка его была железной. Держа её одной рукой за волосы, мужчина ударил девчонку по лицу дважды, заставив угомониться, после чего принял вновь бестактно ощупывать молодое стройное тело. Он пару раз шлёпнул девку по грудям и те покраснели.

Рука скользнула к промежности. Там было сухо. Пальцы нащупали небольшой клитор, разгладили половые губы, после чего ладонь снова поползла вверх. Он ощупал её бёдра, скользнул вверх по талии и переместил руку на круглые, покрытые гусиной кожей ягодицы. Зад ведьмы был пропорционально пухлым и достаточно упругим. Сжал сначала одно полушарие, а затем другое, Уилл оказался доволен.

Надавив на хрупкие девичьи плечи, мужчина опустил девушку на коленки. Его толстый член замер прямиком перед заплаканным лицом ведьмы. Та подняла непонимающий и полный горя взгляд, будто безмолвно спрашивая Уилла о том, чего он от неё хочет. В ответ на это, мужчина подался вперёд, и большая маслянистая головка ткнулась в полуоткрытые губы девчонки. Та попыталась отвернуться, но он грубо развернул её лицо обратно.

— Возьми его в рот, — приказал Уилл. — Иначе я выбью твои беленые зубки, привяжу тебя к столу и заставлю сделать это через силу.

Угроза подействовала.

Всхлипнув, ведьма приоткрыла уста и впустила наконечник члена внутрь. Она жалобно замычала, когда Уилл, двинув тазом, протолкнул туда добрые две трети своего достоинства. Тёплый рот девушки мягко обволакивал твёрдый напряжённый орган.

Ведьма закашлялась, но вместо того, чтобы извлечь член, Уилл задвинул его ещё глубже. Потные яйца стукнулись о девичий подбородок. Головка, преодолев тугое препятствие, вошла в узкое горлышко.

Лицо девушки побагровело, глаза закатились, из груди раздались клокочущие звуки. Не обращая на её мучения никакого внимания, Уилл схватил ведьму за рыжую гриву и задвигал задом, безжалостно трахая предоставленный ему мокрый рот. Девчонка невольно зачавкала, упёрлась руками в мужские колени и, давясь, через силу принимала достоинство насильника в глубь своего горла. Рвотные позывы не отступали, но она держалась достойно. По щекам текли слёзы, на губах и подбородке обильно пенилась слюна.

Уилл задрал голову и ускорил темп. Приятное сладостное чувство охватило его горящие огнём чресла.

— Получай, дрянь, — бросил он. — Ты заслужила всё это!

Выдернув член из рта рыжей девушки, он залепил ей очередную пощёчину. Лицо ведьмы

уже было красным от многочисленных ударов.

Подняв её, Уилл швырнул ведьму на стоящий рядом деревянный стол. Он ухватил слабо брыкающуюся жертву за щиколотки и подтянул к себе, задрав её ноги высоко вверх. Его член угрожающе навис над её животиком — большой и тёмный на фоне её хрупкого бледного тела. Набрав в рот побольше слюны, Уилл плонул в ладонь и смазал сухой вход во влагалище девчонки. Та скулила, но не дёргалась, видя насколько зол её насильник и осознавая, что за сопротивление её ждёт новая серия болезненных ударов.

Уилл широко развел в стороны длинные стройные ноги девушки и приставил член к маленькой, покрытой лёгкой порослью волос щёлке. Он произвёл усилие, пытаясь проникнуть внутрь, но сопротивление было велико. Мужчина помог себе пальцами, раздвинув складки половых губ и усилив натиск.

Ведьма издала громкий стон и вцепилась в края стола руками, когда стержень Уилла прорвался внутрь, целиком заполнив собой её тесный любовный тоннель. Тело девушки выгнулось. Мужчина ухватил её за талию и потянул на себя, заставляя скрыться внутри последние оставшиеся снаружи сантиметры своего члена. Когда он начал вынимать его наружу, то с удивлением обнаружил на своём фаллосе кровь. Ведьма была девственницей! Это несомненно, хотя и неудивительно. Прислужницы дьявола — содомиты. Наверняка девчонка сношалась прежде лишь в зад.

Уилл остервенело задвигал тазом, вколачивая своё достоинство в лоно беспрерывно вскрикивающей и стонущей девушки. Мышицы его живота напряглись, по шее побежал пот. Стиснув зубы, он глядел на бьющееся под его сокрушительными толчками тело с ненавистью и страшной нескрываемой похотью.

Груди ведьмы подпрыгивали от каждого удара, животик раздувался от двигающегося внутри поршня. Уилл был безжалостен к ней. Он двигался быстро, вторгаясь предельно глубоко в девственную утробу девушки.

Сквозь туман, что заволок глаза, мужчина видел прилипшие к её лбу рыжие волосы, тонкую белую шею с пульсирующей под кожей артерией. Руки сами потянулись туда, обвились вокруг неё и стиснули, перекрывая доступ к кислороду. «Пусть помучается. Ощутит каково это». Девушка таращилась на него. На её лбу выступила вена, лицо исказилось, но в глазах читался вовсе не страх смерти. Уилл видел в них прощение. Она будто говорила ему: «Делай то, что должен. Я не виню тебя ни в чём». Это разозлило его.

Когда она почти отключилась, он ослабил хватку и ведьма начала жадно хватать ртом воздух. Уилл сжал её соски так, что девка пронзительно закричала и стены пещеры отзывались ей эхом.

— Здесь тебя никто не спасёт, — сказал он ей.

Груди легли в его большие ладони, и он сжал их.

Сделав ещё три особенно глубоких толчка, мужчина навалился на девушку всем весом и рыча начал спускать внутрь. Разрядка была потрясающей. Тугое влагалище плотно сжимало его орган, а тот в свою очередь обильно изливался внутрь густыми порциями плодородного семени. Разум вернулся к нему и в этот момент их взгляды пересеклись.

Она смотрела на него сквозь пелену слёз, тяжело дыша и не двигаясь: сломленная и осквернённая.

— Это только начало, — проговорил Уилл и ему самому сделалось жутко от того, как холодно прозвучал его голос.

Это только начало...

— 2 —

Дни в пещере текли незаметно. Уилл быстро потерял им счёт, с каждым днём погружаясь всё глубже в водоворот безумия и череду бесконечных изнасилований и пыток ведьмы. Лишь изредка он выбирался наружу, чтобы поохотиться и вернуться назад.

Он не прогадал, когда взял с собой в дорогу верёвку. Связав пленницу по рукам и ногам, Уилл держал её в тёмной нише, что располагалась в дальнем углу пещеры. Вязать узлы он умел мастерски. Девка не сможет и шелохнуться, пока он того не захочет. Верёвка натирала ей кожу до крови, но его это не волновало.

Мучения ведьма терпела стойко. Уже через неделю её тело покрыли многочисленные ссадины и кровоподтёки, лицо похудело, глаза были красны от слёз. Уилл видел на ней следы побоев. Её уже пытали прежде. Свидетельством этому были шрамы на правом плече, боку и коленях. Поясницу украшала татуировка из сплетённых символов, значения которых Уилл не понимал.

Бутылка эля, которую он взял с собой, опустела быстро. Насиловать девку в пьяном угаре было весело, но на свежую голову он слишком часто жалел её. У ведьмы был печальный взгляд, но несмотря на всю боль, что принёс ей Уилл, он не видел в нём той же ненависти, которую таил в своём собственном сердце. Она не винила его, а жалела. Даже тогда, когда он хлестал её ремнём, когда заставлял давиться своим членом, похороненным глубоко в её глотке, собирать еду с земли или бил по лицу.

Однажды во время очередного изнасилования, Уилл даже поставил ей клеймо раскалённым куском железа. «Это значит, что твоя никчёмная жизнь теперь принадлежит мне», — сказал он ей тогда. Девчонка проглотила и это.

Мужчина накачивал её своим семенем дни и ночи на пролёт. В скором времени он с удивлением обнаружил, что его пленница начинает получать от процесса удовольствие. Всё чаще стоны девушки звучали сладострастно, а внутри её влагалища становилось влажно. Он чётко слышал хлюпающие звуки, когда размашисто сношал её молодое тело. Член скользил легко и выходил из любовного тоннеля влажным от девичьих соков. Несколько раз она дрожала в его руках. Уилл готов был поклясться, что ведьма кончала. Иногда она смелела и даже слегка подмахивала ему. Это злило его больше всего. Он свирепел, хлестал её по голому заду, оставляя на нём багровые пятна, бил по щекам и оттягивал волосы. Когда она кончила в очередной раз, дабы наказать её, Уилл проткнул бедняжке соски, а через день вставил в них металлические кольца, которые выплавил из старых серёжек Сары.

— Пусть эта боль напоминает тебе о том, кого ты забрала у меня, — с пеной у рта говорил он ведьме.

Одежды у девчонки теперь не было. Когда в пещере становилось невыносимо холодно, Уилл позволял ей спать у костра. Мылась она в ручье, что протекал под каменными сводами.

Мужчина всегда держал девчонку на прицеле в такие моменты, но та, казалось, и не думала о побеге. Более того, когда во время очередной охоты дикий кабан поранил ему ногу, ведьма жестами предложила Уиллу помочь. Он рявкнул на неё и заставил забиться в угол. Но когда на третий день рана загноилась, а все испробованные им самим методы лечения не помогли, Уилл дал ей возможность помочь себе.

— Если я почувствую, что мне становится хуже, то тотчас же сожгу тебя прямо здесь, — предупредил он её.

Она понятливо кивнула, а потом изготовила в котелке какой-то отвар, приготовленный из собственных запасов трав и наложила на ногу мужчины компресс. На следующий день ему заметно полегчало, а спустя неделю Уилл уже не хромал.

Ему было непонятно поведение пленницы. Он мучал её ежедневно, но в ответ не было ни злобных взглядов, ни попыток сбежать или убить его. Более того, она помогла ему. Зачем?

Однако такие моменты просветления быстро растворялись в пучине ненависти, когда в памяти Уилла снова всплывали сын и жена. Тогда он вспоминал причину, по которой оказался здесь.

Если мужчина снимал с себя одежду, ведьма уже знала, что её ждёт. Она безропотно поднималась на ноги и представляла перед ним голой, с распущенными рыжими волосами, готовая на всё.

Чаще всего Уилл насиловал её на столе, но иногда брал девушку прямо на земле. головкой в опухшую от беременности матку. Его орудие было слишком длинным, чтобы войти туда целиком. Но чувство соприкосновения с утробой, в которой теперь находилось его дитя, казалось ему слишком сладким и притягательным, чтобы не пытаться сделать это снова. Даже тогда, когда он брал девушку сзади, спускать Уилл предпочитал во влагалище. Мужское семя смягчит и подготовит матку к родам. Когда Сара была беременна их сыном, они тоже часто придавались любви накануне родов. Он помнил с каким удовольствием сливал в неё скопившееся семя. К девятому месяцу живот ведьмы сильно выдавался вперёд. Ходить ей было трудно, и она всё время подпирала поясницу руками. Груди девушки распухли и, когда Уилл сдавливал их, то из сосков выделялось молозиво. Тело девчонки готовилось произвестить свет дитя.

В очередной день, вернувшись с охоты, Уилл застал ведьму спящей. Член предательски топорщился, но почему-то на этот раз ему не захотелось будить пленницу. Он разделал кабана, вымыл руки в ручье и разжёг костёр. Нож затупился, и мужчина решил подыскать в закромах ведьмы другой. Ещё одного ножа он не нашёл, зато на глаза ему попалась небольшая книга. Он извлёк её на свет и раскрыл на середине.

«Запить 183-я. Я перепробовала всё, что могла. Будь у меня язык, я смогла бы использовать необходимые заклинания, но моя немота ограничивает возможности. Древние символы молчат. Дети этих несчастных людей умирают каждый день. Они потеряли уже троих. Я знаю, что во всём обвинят меня. Не безопасно оставаться в этом месте, но я не могу уйти. Пока мне не удастся найти средства от мора, эта пещера — мой новый дом. Я должна помочь людям, даже если они возненавидят меня...»

Не веря своим глазам Уилл перечитал написанное снова. Что-то внутри него лопнуло и раскололось на тысячи мелких осколков. Желудок свернулся в узел, и он не смог удержать его содержимое.

Отдышавшись, Уилл пролистал записи, добравшись до первых страниц. Нет никаких сомнений, что эта книга — дневник ведьмы.

«Запись 1-я. Меня зовут София Грин. Я родилась в небольшой деревне Рокстэд недалеко от Лондона. Родителей своих я не знала и воспитывалась бабушкой. Жители Рокстэда знали её под именем Всевидящей Мэри, и она была великой женщиной. Именно бабушка научила меня всему, что я знаю на данный момент. Она всегда твердила мне, что все женщины в нашем роду имели дар и были помечены рыжей копнью волос. «Люди будут бояться и ненавидеть тебя», — твердила она. — «Не вини их ни в чём. Они слабы. Им нужна помощь».

Всевидящая Мэри верила в это до конца своих дней. Возможно лишь благодаря ей я стала такой, какой и должна была стать. Когда люди в чёрных одеждах, явившиеся из Лондона, сжигали её на костре, она не кричала и не проклинала их, а молилась за их души».

Дрожащими пальцами Уилл пролистал несколько страниц. Глаза забегали по строкам.

«Запись 38-я. Я правда пыталась помочь им. Чернокнижник жил среди них, но они не замечали этого. Это он нагнал на них беды и порчу. Я всеми силами старалась противостоять его магии, спасла всех, кого могла. Он почувствовал моё присутствие и покинул селение, но гнев жителей обратился ко мне. Их пастор даже не слушал меня, когда я пыталась сказать ему правду. Я видела его глаза, когда он касался раскалённым лезвием моего языка. В них не было ничего человеческого. Никто не вступился за меня, также как тогда, когда жгли Всевидящую Мэри. Я потеряла сознание от боли, а очнулась в грязи, выброшенная на обочину тракта. Люди жестоки, но я благодарна хотя бы за то, что они оставили меня в живых».

Мужчина снова пролистал дневник, на этот раз к самому концу.

«Запись 185-я. Это ужасно — осознавать, что все твои попытки тщетны. Я видела их слёзы, ощущала их боль от потери детей, но не могла ничем помочь. Во всём этом лишь моя вина. Только я имела власть, чтобы спасти несчастных ребятишек, но, видимо, приложила недостаточно усилий. Я знаю, что теперь их взгляды направлены к лесу. Они полны злости и жаждут моей крови. Не знаю, как им удалось понять, что я скрываюсь здесь, но эти люди имеют полное право ненавидеть меня. Я остаюсь здесь, ждать своей участи. Мне некуда идти. Охотники в чёрных плащах рыщут по дорогам и ищут меня. Когда я попадусь им — они отправят меня на костёр. Мне неведомо, что за участь меня ждёт. Я вверяю себя судьбе. Слишком много зла в этом чудовищном и жестоком мире... И я слаба перед ним».

Уилл уронил дневник на землю и схватился за волосы.

«Что же я наделал?!»

Он поглядел туда, где связанная по рукам и ногам спала ведьма, но обнаружил, что девушка уже проснулась и теперь сидела на земле, вперив печальный взгляд своих глаз-изумрудов прямо в него.

Уилл поднялся на ноги и шагнул к ней.

Что он скажет ей теперь после всего, что сделал с этой бедняжкой? Она пыталась спасти его сына и других детей в деревне, а он отплатил ей болью и насилием. Не она превратила Уилла в чудовище. Чудовищем он был с самого начала.

Приблизившись, Уилл упал перед рыжеволосой пленницей на колени. Язык заплетался, в глазах засверкали слёзы. Она же глядела на него, как и прежде спокойно и молчаливо.

— Прости меня, — выдавил он, взяв в свои мозолистые ладони её хрупкую бледную кисть. — Прости, если сможешь.

Та, которую звали Софией Грин улыбнулась ему улыбкой светлой и тёплой. За что она так добра к нему? После всего, что он с ней сделал...

— Почему ты не сказала мне? — непонимающе спросил он.

Девушка открыла рот и показала ему свой язык — изувеченный и укороченный.

— Но ведь ты могла указать мне туда, где лежит твой дневник. Я бы прочёл и всё понял. Я бы остановился!

Она лишь печально покачала головой.

Девчонка была права. Всё это было бесполезно. Он явился сюда полный решимости и жажды

мести. Её попытки донести до него хоть что-то были бы тщетны. София принесла себя в жертву, позволила ему надругаться над своим телом и мучать её, дабы унять его собственную боль. Осознание этого ранило больнее ножа.

Уилл развязал путы на её руках и ногах и прижал дрожащее тело к себе.

— Я ведь мог убить тебя, — прошептал он. — Сжечь в огне. Я — чудовище не достойное жизни. Если сможешь, прости меня за всё. Я не знаю, как мне искупить свою вину перед тобой.

Её пальцы коснулись его лица. Взгляды мужчины и девушки встретились и тогда София взяла его руку и переместила её на свой большой круглый живот. Там внутри сидел младенец, зачатый им в её чреве. Девушка притянула Уилла к себе и неожиданно впилась в его губы долгим, полным нежности поцелуем. Когда они, наконец, расцепились, она смущённо отвела глаза в сторону.

— Даже после всего, что было? — спросил её он.

Она снова поглядела на него и тихонько кивнула.

— Я не оставлю тебя, — пообещал ей Уилл. — Назад в деревню нам дороги нет, но мы можем уехать в другое место и начать всё с самого начала.

Во взоре Софии Уилл прочёл страх.

— Тебя ищут те люди? — вспомнил он.

Девушка кивнула.

— Я не дам тебя им в обиду, — твёрдо заявил мужчина. — Выдам тебя за свою жену, и никто ничего не узнает.

Он чувствовал её сомнения. Она не привыкла верить чужакам. Весь мир был злым по отношению к ней всю её жизнь, но каким-то чудом София Грин сохранила в себе человечность. Уилл тоже принёс ей немало боли, но теперь он обязан позаботиться о ней. Кто, если не он?

— 4 —

— Мне придётся вернуться туда одному на пару дней, — сказал он ей ночью. — После того как ты родишь ребёнка.

София обратила к нему испуганный взгляд.

— Не бойся. — Уилл огладил её рыжие локоны. — Это ненадолго. Нужно будет продать старый дом. А потом мы поедем на восток. Там стоит ветхая и давно заброшенная ферма моего покойного деда. За год я восстановлю её. Земледелие у меня в крови. Земли там плодородные и благодатные. Я всегда мечтал увезти туда Сару и Калеба, но опоздал. — Мужчина сделался печальным, когда воспоминания о покойных жене и сыне вернулись к нему.

Девушка коснулась его щеки. Он наконец-то состриг свою уродливую бороду и длинные патлы. Уилл поглядел на неё.

— Всё будет хорошо, — сказал он после недолгого молчания.

Совсем недавно ему казалось, что жизнь больше не имеет никакого смысла, но теперь у него появилась София. Она нуждалась в защите и заботе.

Рука ведьмы скользнула к мужскому паху и обхватила его толстый расслабленный член. Одно её прикосновение, и он начал наливаться кровью.

— Ты уверена? — спросил он.

Уилл насиловал её на протяжении долгих месяцев. Почему она хочет его? Почему желает,

чтобы он вновь овладел ею?

София взбралась на него сверху, придерживая стержень Уилла рукой, погрузила его в свою щель, и медленно опустилась. Головка упёрлась в опухшую матку и слегка протолкнула её вглубь.

С уст девушки сорвался стон. Огромное пузо белело в полумраке пещеры. Крупные полные молока груди свисали с боков. Кольца, вставленные в соски, слегка поблескивали. Уперев ладони в мускулистую волосатую грудь лежащего на земле мужчины, София медленно задвигалась. Внутри неё было скользко и влажно.

Уилл взялся за её груди и нежно сдавил их, наблюдая за тем как на кончиках сосков возникают белые капли.

— Ммм, — промычала сквозь сжатые губы девушка и задвигалась быстрее.

Она отдавалась ему со страстью, повинуясь инстинктам и желаниям, громко стонала во мраке. Огромный толстый вал Уилла распирал её лоно изнутри, выдавливая наружу соки и наполняя гортань громкими мокрыми звуками. Груди Софии колыхались и прыгали, выпирающий вперёд живот ходил ходуном.

Оргазм накрыл их быстрее обычного. София дёрнулась всем телом и запрокинула голову назад. Влагалище запульсировало. Подгоняемый этими сладострастными ощущениями, Уилл вдавил головку в матку и начал стремительно заполнять чрево девушки выстрелами своего семени. Его пальцы вцепились в её пухлые бёдра, на лбу выступил пот. Когда его извержение закончилось, она неспеша слезла с него и улеглась рядом. Их сердца бешено колотились.

Уилл прижал тело ведьмы к себе, а спустя пару мгновений они оба забылись крепким сном.

— 5 —

Старая кляча ехала медленно, с трудом волоча за собой телегу. Уилл купил её за гроши. Ехать им не слишком далеко. К чему ему тратиться на дорогостоящего скакуна?

Когда он вернулся в деревню, жители встретили его озадаченными взглядами. Большинство из них сочли Уилла погибшим. Их вопросов он избегал. Когда Трёхпалый Джон с подозрением спросил о ведьме, мужчина ответил ему, что убил её. Ллойд потребовал доказательств, на что Уилл сказал: «Можешь пойти туда сам и убедиться в этом». Ллойд был трусом. Все они были таковыми и, само собой, побоялись идти в чащу.

Уилл быстро собрал пожитки. Ему повезло. Кузница Эдриана сгорела пару дней тому назад, и он предложил купить дом Уилла, чтобы сделать в нём новую. Цену конечно пришлось немного скинуть, но мужчина об этом не жалел.

Покидая родную деревню, он заглянул на старое кладбище. Уилл постоял недолго у двух одиноких могил, стоящих на самой окраине, возложил на них букет полевых цветов и ушёл. Пусть души Сары и Калеба покоятся с миром. Он будет помнить их всю свою жизнь до последнего дня, но его время покидать этот свет ещё не настало.

Через две недели он уже ехал по восточному тракту. Телегу, гружёную пожитками волочила старая кляча, а рядом с ним, облачённая в старое платье покойной супруги Уилла, сидела рыжеволосая девушка с изумрудными глазами и милыми веснушками. В руках она держала младенца. Вынув из выреза полную молочную грудь, девушка с улыбкой на лице кормила малыша. Мужчина временами бросал на них взгляды и в такие моменты сердце его наполняло то самое чувство, что он когда-то ощущал, держа за руку сына или сидя на крыльце с любимой супругой.

Фермы они достигли через пару дней. Дом слегка покосился, крыша в нём провалилась, а

многие доски прогнили, но Уилл, несмотря на это, был весьма оптимистичен.

— Через месяц будет как новенький, — пообещал он озирающейся по сторонам Софии. — А потом я займусь полем. — Через год оно даст первый урожай.

Ночью, когда их новорождённая дочь, которую они нарекли прекрасным именем Мэри, уснула, мужчина и женщина наконец смогли лечь в постель. Кровать слегка скрипела, но это было не страшно. Сняв с девушки тонкое сиреневое платье, Уилл прижал Софию к себе, ощущая, как бьётся внутри её сердце.

Пальцы коснулись шелковистой кожи, нашупали небольшие шрамы на боку и животе. Он причинил ей немало боли и потратит каждый день своей жизни, чтобы искупить свою вину. Соски на двух округлых крупных грудях уже топоршились. Уилл снял с них кольца ещё до того, как София родила ребёнка. Он коснулся одного из них кончиком языка, и девушка вздрогнула. Ему это понравилось, и он жадно втянул сосок губами, моментально ощутив ударившие в рот струи тёплого молока.

Девушка застонала, когда он погрузил в её лоно свои пальцы. Внутри было необычайно мокро. Влага сочилась и стекала по её полным ляжкам.

Нетерпеливо она распутала завязи на его штанах и выпустила наружу твёрдый, увитый венами член. Уилл не стал заставлять её ждать, приставил сизую головку к розовой щели и втолкнул свой орган внутрь до самой матки. София тут же забилась под ним, шумно вздыхая и царапая ногтями его сильную спину. Её ноги обвились вокруг его талии, и он быстро задвигался в ней, растягивая стенки её любовного тоннеля и даря ей удовольствие. Могучие руки Уилла мяли её переполненные груди и молоко белыми брызгами стреляло во все стороны. Он ловил эти брызги языком, сосал её груди и слегка зажимал соски девушки между пальцами.

От его усердных ласк София кончала стремительно и часто. Разрядившись под ним в очередной раз, она оттолкнула вспотевшее тело мужчины от себя, спрыгнула с кровати и опустилась перед ним на колени.

— Ты не должна этого делать, — тяжело дыша сказал Уилл, но она, казалось, не слышала его. Маленькая худая кисть обхватила его толстый ствол и в следующий миг погрузила его глубоко в свой рот, протолкнув в самую глотку. Глядя на мужчину опьяняющими глазами, София задвигала своей головой. Румяные щёчки девушки раздувались, лицо раскраснелось, на щеках заблестели слёзы. Но она была счастлива иметь возможность доставлять удовольствие тому, которого полюбила всем сердцем.

За свою жизнь София помогла многим людям, но Уилл — оказался самым главным из них. Он был разбит, когда явился в её пещеру впервые. Его тяготило горе, душу переполняла ненависть и боль. София исцелила его. Ей самой пришлось многое перенести, но девушка не винила мужчину ни в чём. «Люди слабы», — говорила ей бабушка. — «Они нуждаются в нашей помощи». Девушка и сама не заметила, как полюбила того, кто стал её мучителем.

Когда напряжение Уилла достигло пика, София выпустила его стержень из плена своего рта, и зажала его между шарами восхитительных молодых грудей. Мужчина дёрнулся и первый выстрел семени выплеснулся наружу, орошив тонкую девичью шею. Она позволила ему разрядиться на себя. Когда он рухнул спиной на постель, София благодарно очистила его орган своими губами.

Мутные белые капли медленно стекали по её пышным полным молока грудям.

В ту ночь Уилл брал девушку ещё трижды и все три последующих семязвержения затопили

её растянутую недавними родами матку. Вбивая своё неопадающее естество в чрево девушки, мужчина сеял в ней новую жизнь.

А завтрашний день обещал подарить новую жизнь им самим.